Придатокъ ощущеній.

Звонокъ. Въ квартиру влетаетъ коллега по страсти и кричитъ:

— Собирайтесь скорѣй! Пароходъ отходитъ въ 8 часовъ вечера, а теперь скоро уже шесть. Готовы вы? Снаряжены патроны?

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Что случилось! Ничего не случилось. Развѣ не понимаете, что я зову васъ на охоту.

— Куда? На какую охоту?

— На охоту съ гончими. Я вчера случайно познакомился съ однимъ помѣщикомъ. Разговорились, — оказался охотникомъ. Держитъ гончихъ. Ну, вотъ, зная, какъ вы любите эту охоту, я и закинулъ удочку: нельзя ли, молъ, мнѣ пріѣхать съ товарищемъ. Согласился, въ особенности когда я объяснилъ, что мой компаніонъ, т.-е. вы, человѣкъ со средствами, самъ держалъ гончихъ, пока чума не унесла всей стаи.

— Не поѣду! — говорю. — Знаю я, какихъ брехунцовъ подъ именемъ гончихъ держатъ нѣкоторые охотники.

— Будьте покойны. Собаки его такія, что поднятый звѣрь или убитъ, или, въ концѣ-концовъ, въ зубахъ стаи.

— Да вы это почему знаете? Ходили съ этими собаками, или со словъ хозяина говорите?

— Нѣтъ, не ходилъ, а говорю со словъ помѣщика. Изъза чего, спрашиваю я васъ, ему врать? Продавать собакъ онъ, повидимому, не намѣренъ, заманивать насъ къ себѣ у него не можетъ быть особой цѣли? Наконецъ, для чего ему

врать, когда онъ знаетъ, что пріѣдутъ приглашенные, и ложь тотчасъ же изобличится?

— Не поѣду! — возражаю я.

— Что значитъ ваше—«не поѣду?». Я для него стараюсь, хлопочу, зная, какое надъ нимъ стряслось горе, и какое ему лишеніе не поѣхать съ собаками и не послушать гона, а онъ—«не поѣду»! Собирайтесь сейчасъ!

Комически строгій тонъ моего коллеги возымѣлъ свое дѣйствіе, поэтому сдаюсь и спѣшно собираюсь.

— Закуски и выпивки берите побольше! — говоритъ коллега.

— Что такъ? Можетъ быть, вашъ помѣщикъ живетъ за тысячу верстъ?

— Нѣтъ, ѣхать немного; но видите, помѣщикъ, приглашая къ себѣ на охоту, сказалъ, приблизительно слѣдующее: «Милости просимъ, очень буду радъ, только, знаете, долгомъ считаю предупредить, что живу далеко отъ города, на мѣстѣ ничего достать нельзя... Ну и на хуторѣ у меня тоже ничего не устроено. Кровъ предложить могу, а насчетъ всего остального, въ особенности, что касается вашего избалованнаго богатствомъ и комфортомъ компаніона, умываю руки».

Запаслись поэтому всѣмъ, точно собирались въ осажденную крѣпость. Отправились. Въ три часа утра были на пристани, отъ которой, по словамъ помѣщика, хуторъ его отстоитъ на разстояніи 4 верстъ, а по словамъ крестьянина, нанятаго съ подводой, — 12 верстъ. Какое количество верстъ слѣдуетъ скинуть съ этихъ 12 верстъ, принимая во вниманіе надбавку, сдѣланную крестьяниномъ изъ желанія получить побольше, сказать трудно, но въ виду того, что до хутора мы ѣхали все время шагомъ по сыпучему песку ровно два часа, слѣдовало предположить, что до хутора отъ пристани не менѣе 8 верстъ.

Хозяина застали дома, но еще спящимъ. Напились чаю, закусили изъ привезеннаго запаса, и когда ублаготворились, какъ слѣдуетъ, попросили хозяина показать гончихъ.

— Ну, едва ли онѣ дома! — заявилъ помѣщикъ.

— А гдѣ же онѣ? — спрашиваетъ мой коллега.

— А въ полѣ или въ лѣсу. Онѣ у меня, какъ только начинаетъ свѣтать, тотчасъ же отправляются работать.

— А вы знаете, куда повелъ ихъ выжлятникъ? — спрашиваетъ коллега

— Я при собакахъ никого не держу. Ушли онѣ сегодня, какъ и каждый день, сами. Захотѣлось и мнѣ на охоту, взялъ ружье и пошелъ. Мѣста я тутъ знаю. Идешь и прислушиваешься, гдѣ идетъ гонъ. Такъ отправимся на охоту и сегодня.

— Ну, однако, едва ли это удобно? — возражаетъ мой коллега.—Вы хотите ѣхать туда-то, а собаки охотятся въ другомъ мѣстѣ, совершенно противоположномъ, и извольте ѣхать въ такое мѣсто, гдѣ можетъ быть нѣтъ звѣря?

— Нѣтъ, мои собаки лучше насъ съ вами знаютъ, гдѣ есть звѣрь. А зато какъ тренированы собаки, какъ параты! Такъ и висятъ на хвостѣ звѣря!

Хозяинъ ушелъ, чтобы, полагали мы, сдѣлать надлежащія распоряженія.

— Ну, что? — спрашиваю я коллегу.

— Это вы насчетъ чего? Насчетъ гончихъ или порядка ихъ содержанія, или способовъ охоты?

— Насчетъ всего этого.

— Лучше подождемъ судить о всемъ этомъ, пока все сами не увидимъ.

Бесѣда наша была прервана появившимся хозяиномъ. Явился онъ во всеоружіи и, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— Можемъ отправиться.

— А къ обѣду воротимся домой или нѣтъ? — спрашиваетъ коллега.

— Ну, вотъ еще что выдумали! Захватимъ что-нибудь заморить червяка.

— Такъ будьте такъ добры, пошлите человѣка, чтобы снести корзину съ провизіей въ экипажъ.

— Какой экипажъ? — спрашиваетъ помѣщикъ? — У меня никакого экипажа нѣтъ, а вашъ извозчикъ, кажется, уже уѣхалъ.

— Какъ же такъ? Нельзя же всю закуску и бутылки

разобрать по карманамъ? И что же, наконецъ, мы будемъ дѣлать съ убитымъ звѣремъ? — заявляетъ мой коллега.

— Ну, это все пустяки. Вѣдь не на мѣсяцъ же мы собрались. Бутылку водки и закуску я положу себѣ въ ягдташъ, а что касается убитаго звѣря,—не хотите таскать на себѣ, можно будетъ развѣшивать его въ разныхъ мѣстахъ, и собрать его при возвращеніи домой.

— А кто же тогда понесетъ всю убитую тварь? Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, взять кого-либо изъ вашихъ людей? — спрашиваетъ коллега.

— Людей у меня нѣтъ, а есть только одинъ человѣкъ; а оставить хуторъ вовсе безъ надзора на цѣлый день нельзя.

— Вотъ тебѣ и клюква!—не удержался мой коллега.

— А что? Развѣ вы не привыкли къ моціону? — парируетъ помѣщикъ.

— Нѣтъ, ничего; ходить можемъ; но удовольствіе небольшое, набѣгавшись подъ гончими, плестись пѣшкомъ нѣсколько верстъ домой. Можетъ быть, нашихъ лошадей взять, пока онѣ не уѣхали? — обратился ко мнѣ коллега, видимо, понимая, что охота при такихъ условіяхъ будетъ для меня тяжела и непріятна.

Къ нашему счастью извощикъ оказался еще на хуторѣ и изъявилъ согласіе за добавочное вознагражденіе сопровождать насъ цѣлый день и затѣмъ доставить обратно на пристань.

Забрали закуску и выпивку и поѣхали. Проѣхали въ одномъ направленіи до широкаго и глубокаго оврага, спускающагося на Волгу; долго, очень долго слушали, не отзовется ли гдѣ гончая. Но въ оврагѣ стояла мертвая тишина. Терпѣніе мое лопается, спрашиваю помѣщика:

— Что же мы ждемъ? Вѣдь гона нѣтъ?

— А можетъ быть гончія словили зайца и закусываютъ?— дѣлаетъ предположеніе помѣщикъ.

— А можетъ быть, плотно закусивъ, легли отдыхать и будутъ отдыхать до вечера?—иронизируетъ мой коллега.

— Мои собаки гоняютъ цѣлый день, — заявляетъ помѣщикъ.

Однако поѣхали далѣе. Впереди темнѣется большой лѣсъ, раскинувшійся узкой полосой на пространствѣ около 6 квадратныхъ верстъ. Направились вдоль узкой полосы лѣса, останавливаясь и прислушиваясь по временамъ. И тутъ нѣтъ собакъ! Двинулись еще въ новомъ направленіи; стали подъѣзжать къ большому полевому оврагу, съ болотомъ въ центрѣ и съ водотекомъ вдоль всей его длины, и наконецъ только услышали гонъ. Былъ уже 12-й часъ въ началѣ, а выѣхали мы изъ хутора около 7 часовъ утра.

— Вотъ видите, я говорилъ, что мы найдемъ собакъ! — авторитетно заявилъ помѣщикъ. — А вы готовы были придти въ отчаяніе.

Не успѣли лошади доѣхать до оврага, какъ нашъ помѣщикъ соскочилъ съ повозки и, крикнувъ намъ: «Занимайте лазы!» — бросился бѣжать.

Оврагъ глубокій, имѣетъ болѣе 10 отвершковъ. Который изъ нихъ представляется наиболѣе вѣрнымъ и излюбленнымъ лазомъ звѣря, безъ указанія мѣстнаго охотника, по первому взгляду судить не представлялось возможности.

— Что же будемъ дѣлать?—спрашиваю своего коллегу.

— Пойдемъ за нимъ. Очевидно, онъ отлично знаетъ, куда бѣжитъ. Станемъ около него на ближайшихъ отвершкахъ.

Не успѣли мы добраться до второго отвершка, считая отъ мѣста, гдѣ остановилась повозка, и гдѣ добѣжавъ остановился помѣщикъ, какъ изъ отвершка прямо ему въ ноги выкатила лиса. Тотчасъ же, отставая отъ хвоста лисицы не болѣе 30 шаговъ, шла вся стая, состоящая изъ трехъ смычковъ. Помѣщикъ, стоя за кустомъ, подпустилъ лисицу въ мѣру; видимо, не горячась, спустилъ курокъ, и лиса послѣ выстрѣла покатилась черезъ голову. Моментъ прошелъ, разсѣялся дымъ, и видимъ картину.

Къ трупу распростертой лисицы во всю прыть спѣшатъ: съ одной стороны вся стая, съ другой—помѣщикъ. Послѣдній опередилъ собакъ, подбѣжалъ къ лисѣ, схватилъ ее за заднія ноги и поднялъ отъ земли. Въ тотъ же моментъ подскочили собаки, бросились къ приподнятому звѣрю, и все смѣшалось въ кучу.

Черезъ секунду въ зубахъ одной изъ собакъ мелькнулъ оторванный лисій хвостъ, а за обладаніе оставшимся туловищемъ звѣря между собаками и помѣщикомъ шла ожесточенная борьба. Передъ глазами нашими вился какой-то живой клубокъ. Мелькали хвосты, спины и головы собакъ; видны были поднимающіяся и опускающіяся, съ очевидной цѣлью нанести ударъ, ноги помѣщика; слышны были возгласы: «Ахъ, вы, черти! Прочь! Пошелъ Будило! Прочь Лютня!».

Возгласы эти мѣшались съ визгомъ и рычаніемъ собакъ, шелъ какой-то невообразимый кавардакъ, завершившійся отчаяннымъ визгомъ собаки, получившей, должно быть, здоровый ударъ. Вопль этотъ отрезвилъ собакъ, и онѣ отхлынули въ стороны. Представленіе, необычайное по характеру и до сихъ поръ никогда нами невиданное, кончилось. Мы подошли. Трудно было въ оборванной, обслюненной и безхвостой тушкѣ признать красавицу нашихъ лѣсовъ—лисицу. Для порядка поздравляемъ помѣщика.

— Видѣли?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— Какъ же, видѣли,—отвѣчаемъ.

— Злоба-то какая! паратость!

— А на кой онѣ чортъ ваши паратость и злоба, если, благодаря имъ, мнѣ послѣ каждаго выстрѣла придется продѣлывать то же самое, что продѣлывали вы, и въ результатѣ получить вмѣсто звѣря какую-то мерзость?—иронизируетъ мой коллега.

Присѣли отдохнуть. Я сталъ смотрѣть собакъ, растянувшихся въ почтительномъ отъ насъ разстояніи. Прежде всего поражала ихъ страшная худоба, выступающія кости крестца и реберъ, ихъ совершенно борзоватый видъ; но голова, отличныя ноги, спина, гонъ, правильный окрасъ могли бы служить украшеніемъ любой собаки.

— Отчего онѣ у васъ такія худыя?—спрашиваю помѣщика.

— Очень просто, почему. Цѣлый день, а другой разъ и ночь въ гону и питаются только мясомъ. Пробовалъ приготовлять имъ варево; такъ нѣтъ, канальи, не жрутъ!

— Почему же, вы думаете, не ѣдятъ?—спрашиваю.

— А наѣдятся зайчатины. Кого же послѣ этого можно соблазнить болтушкой?

— А давно вы тутъ поселились? И неужто при такомъ способѣ держанія собакъ въ окрестности вашего дома остались зайцы?—спрашиваетъ коллега.

— Поселился я здѣсь всего второй годъ. Зайца тутъ было столько, что ничѣмъ въ окрестности нельзя было спасти отъ нихъ садовъ. Теперь стало ихъ значительно менѣе; но во всякомъ случаѣ и для охоты, и для прокормленія собакъ ихъ хватитъ надолго. А что, знаете, не закусимъ ли? Островъ большой, звѣристый. Не закусимъ теперь, Богъ знаетъ, когда удастся послѣ?

Согласились съ помѣщикомъ и вытащили привезенныя нами закуски. Выпили и закусили. Покормили немного и тощихъ собакъ, которыя, обступивъ насъ кругомъ, облизывались и съ такою жадностью глядѣли намъ въ глаза, что страшно становилось за собственную тѣлесную неприкосновенность.

Подзакусивъ основательно, рѣшили тронуться дальше. Собаки тотчасъ же, какъ удостовѣрились, что тутъ болѣе ничѣмъ не поживишься, бросились искать новой добычи въ лѣсу.

Вскорѣ отозвалась одна собака; затѣмъ къ одиночному голосу быстро прибавлялись все новые и новые голоса, и стая горячо повела, повидимому, по красному.

Помѣщикъ, какъ только отозвалась первая гончая, бросился бѣжать, а намъ посовѣтовалъ остаться у ближайшихъ отвершковъ.

Гонъ изъ средины болота шелъ прямо къ отвершку, около котораго остановился мой коллега, дошелъ почти до опушки кустарника и тутъ сразу оборвался.

Помѣщикъ, бѣжавшій на лазъ, остановился и, удостовѣрившись, что гонъ прекратился окончательно, пошелъ обратно, держась въ направленіи опушки, гдѣ пропалъ гонъ, крикнувъ намъ на ходу:

— Понорилась! Надо отгонять собакъ отъ норы, а то провозятся около нея нѣсколько часовъ.

Энергичныя дѣйствія помѣщика съ указанной цѣлью дали быстрые результаты.

Не прошло и 10 минутъ, какъ онъ скрылся въ опушкѣ кустарника, уже начался новый гонъ. Гонъ, обойдя часть болота, повернулъ вверхъ на опушку отвершка, около котораго стоялъ мой коллега.

Изъ опушки выкатилъ русакъ и шелъ прямо въ ноги товарищу. Послѣдній, не допустивъ его до себя шаговъ на 30, выстрѣлилъ. Заяцъ моментально осѣлъ, затѣмъ круто повернулъ назадъ и, почти черезъ головы подоспѣвшихъ собакъ, покатилъ обратно въ опушку.

«Чтобы это значило?» думается мнѣ. «При такой блистательной стрѣльбѣ, какой отличался обыкновенно мой товарищъ, и вдругъ такой постыдный промахъ?»

Между тѣмъ на выстрѣлъ изъ лѣса выскочилъ хозяинъ стаи. Обозрѣвъ картину и рѣшивъ, должно быть, что въ его содѣйствіи, въ смыслѣ добыванія звѣря или защиты гостей отъ собакъ, не настоитъ надобности, онъ побѣжалъ вдоль опушки въ томъ ея направленіи, по которому пошелъ гонъ скрывшагося обратно въ лѣсъ зайца. Не успѣлъ нашъ помѣщикъ дойти до опушки ближайшаго отвершка, какъ изъ него выкатилъ русакъ и пошелъ, будто на мгновеніе ослѣпши, прямо на помѣщика, стоящаго на открытомъ полѣ.

Изъ ствола помѣщика сверкнулъ огонь, вырвался клубокъ дыма; русакъ падаетъ, но тотчасъ же справляется и ковыляя начинаетъ уходить. Помѣщикъ за зайцемъ, а за помѣщикомъ и зайцемъ выскочившія изъ лѣса гончія. Заяцъ, видя позади себя столько враговъ, собираетъ, должно быть, послѣднія силы и прибавляетъ ходу. Шансы помѣщика въ состязаніи его съ гончими въ быстротѣ бѣга падаютъ. Собаки опережаютъ и берутъ призъ!

Но призъ не растерзанъ въ клочки; еще не все потеряно, а потому помѣщикъ спѣшитъ.

Добѣжалъ нашъ помѣщикъ, раздалъ нѣсколько пинковъ собакамъ и, чтобы окончательно спасти добычу, бросился на землю, съ цѣлію, очевидно, тѣломъ своимъ прикрыть зайца.

Плохо ли былъ прикрытъ заяцъ или же собаки были очень голодны, но и этотъ маневръ помѣщика не остановилъ попытокъ собакъ добраться до лакомой добычи.

Опять старая картина. Руки и ноги охотника мелькаютъ въ воздухѣ, не задѣвая ловко отскакивающихъ при каждомъ взмахѣ собакъ. Возгласы: «прочь!» «пошла, Плакса!» «прочь, мерзавцы... скоты!»—стоятъ въ воздухѣ.

Еще моментъ, и слышится отчаянный вопль: «ай!» Помѣщикъ вскакиваетъ съ земли и, ухвативши за ляшку, кричитъ: «ахъ, ты, стерва!»

Одна изъ собакъ, по адресу которой, должно быть, направлено было ругательство, поджавъ хвостъ и, видимо, сконфузившись отходитъ прочь; всѣ другія бросаются на незащищеннаго уже зайца. Секунда—и отъ зайца остаются только клочки шерсти!

Видимъ, что помѣщикъ, не обращая уже вниманія на дерущихся за зайца собакъ, садится на землю и начинаетъ снимать съ себя платье.

Заинтересованные его равнодушіемъ къ зайцу и его манипуляціями съ платьемъ, подходимъ.

— Представьте себѣ,—говоритъ помѣщикъ,—стерва эта, выжловка «Втора», обозартившись добыть зайца, по ошибкѣ вмѣсто зайца хватила меня за ляшку!

Смотримъ, дѣйствительно, на лѣвой ногѣ, выше колѣна, съ наружной стороны, отчетливые знаки четырехъ клыковъ собачьей хватки, изъ которыхъ точится кровь.

— Ну... была ли тутъ ошибка со стороны вашей «Вторы», сказать что-либо опредѣленное и точное трудно? Во всякомъ случаѣ, поглядѣвъ на вашихъ собакъ въ двухъ случаяхъ пріема ими звѣря, могу признать, что собаки эти необычайной злобы!—не утерпѣлъ, чтобы не пустить сарказма мой коллега.

Наскоро сдѣлали перевязку, предварительно обмывъ рану водой изъ родника. Видѣли достаточно, а потому порѣшили съ коллегой ѣхать домой. О намѣреніи своемъ поставили въ извѣстность помѣщика.

— Что вы, что вы, господа! Звѣрь есть, собаки гоняютъ прекрасно, погода благопріятная, а вы домой?!

— Ну, какая можетъ быть охота послѣ такого случая?—возражаетъ мой коллега, пытаясь подыскать, хотя и призрачный, но благовидный предлогъ удрать.

— Какой случай? Это эти-то пустяки? — недоумѣваетъ помѣщикъ.—А, впрочемъ, можетъ быть вы боитесь, чтобы что-нибудь подобное не случилось съ вами?

— Не боимся, а просто не желаемъ,—возражаетъ коллега.—Я понимаю еще рискъ тѣлесной неприкосновенностью и даже жизнью въ борьбѣ съ крупнымъ хищникомъ, но быть растерзаннымъ домашними животными, — слуга покорный!

— Ужъ и растерзаннымъ?! Укусила собака по ошибкѣ, а вы вотъ уже куда хватили! Не нравится вамъ моя охота, крайне сожалѣю; но думаю, что всякій истинный охотникъ нашелъ бы тутъ только особую прелесть, такъ сказать, придатокъ, цѣнный и желательный къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя даетъ охота съ гончими вообще!

— Охотно допускаю,—возражаетъ коллега,—что мы съ товарищемъ не истинные охотники и только поэтому не въ состояніи оцѣнить всей прелести такого придатка къ охотѣ. А поэтому намъ остается благодарить за доставленное удовольствіе и ѣхать домой.

— И поѣзжайте! Я остаюсь охотиться. Можете не стѣсняться, я доберусь домой и безъ васъ. Честь имѣю кланяться!

Сказавъ это, помѣщикъ, повернулся налѣво кругомъ и, накликая собакъ, двинулся къ опушкѣ оврага. Въ свою очередь и мы тронулись на хуторъ, чтобы захватить оставленныя тамъ вещи и ѣхать на пристань.

Шаговъ около 200 мы проѣхали, не сказавъ ни слова. Наконецъ, коллега мой, сидѣвшій, видимо, въ удрученномъ состояніи духа, разрѣшился:

— Идіотъ!

— Совершенно съ вами согласенъ!—тотчасъ добавляю и я.

— Правда?

— Еще бы! Какой же эпитетъ будетъ наиболѣе подходящимъ къ человѣку, проявившему столько легкомыслія и простоты!

— Это вы о комъ же? Можетъ быть, обо мнѣ?—спрашиваетъ меня коллега, пытливо заглядывая въ мои глаза.

— А что? Развѣ, разбирая свои поступки и дѣйствія за

послѣднее время, вы находите какія-либо основанія предполагать приложимость такаго эпитета къ вашей персонѣ?

— Что вы играете словами! Говорите прямо!

— Я и говорю прямо, что совершенно съ вами согласенъ. А если для васъ это непонятно, а непонятнымъ это для васъ не можетъ быть, то соблаговолите подать примѣръ откровенности и скажите: о комъ вы изволили говорить?

— Разумѣется, о нашемъ помѣщикѣ! восклицаетъ коллега.

— Ну, въ такомъ случаѣ я впалъ въ ошибку. Хозяина нашего идіотомъ назвать нельзя.

— Это почему такъ?

— А потому, что онъ ни въ чемъ не проявилъ признаковъ идіотизма.

— Какъ? А держать такую охоту.

— Что же тутъ такого идіотическаго? Охота у него такая, какой ей при данныхъ условіяхъ и надлежитъ быть. Когда, какъ у нашего помѣщика, видимо, самому нечего ѣсть, трудно думать о кормѣ собакъ; а некормленныя собаки будутъ всегда такими, какими сдѣлались собаки помѣщика. И все остальное въ этой охотѣ: отсутствіе лошадей и вытекающая изъ этого необходимость таскать на себѣ убитыхъ звѣрей, запасное бѣлье и закуску,—все это отнюдь не признаки идіотизма владѣльца, а печальные аксессуары нужды.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте, кто же тогда идіотъ? Кого вы соглашались совмѣстно со мной признать подходящимъ подъ такой эпитетъ?—вопрошаетъ, строго глядя на меня, мой коллега.

— Боже мой! Неужели тутъ могутъ быть какія-либо сомнѣнія! Не полагаетели вы, что я способенъ облаять человѣка, который, устраивая для меня что-либо пріятное, невзначай попалъ впросакъ?

— Увильнули!.. Знаю отлично, что въ душѣ прежде всего ругаете меня. Ну, да Богъ съ вами.

— Простили? Благодарю покорно. А вотъ я васъ простить не могу!

— Это за что же?

— А не могу простить вамъ вашего постыднаго промаха. Этакъ оскандалиться въ присутствіи посторонняго человѣка!

— Что же тутъ удивительнаго? Голову даю на отсѣченіе: пойди заяцъ на васъ,—и вы бы такъ же точно промазали!

Какъ вы думаете: располагаетъ ли къ хладнокровію и выдержкѣ мысль, гнѣздящаяся въ головѣ: только промахнись, только обмани надежды псовъ полакомиться зайчатиной, — и тотчасъ же будешь разорванъ на части! Вы, можетъ быть, почтете это предположеніе преувеличеніемъ? Я и самъ такъ думалъ и ругалъ себя за постыдный страхъ, смотря, какъ удираетъ послѣ выстрѣла заяцъ. Но посмотрѣвъ, какъ собаки добывали зайца отъ своего хозяина, благословилъ небо, что по зайцу промазалъ. Если собаки дерзаютъ кусать хозяина, такъ какъ я не вѣрю, что бы тутъ была ошибка собаки,—думаю, что всякаго другого такія собаки будутъ прямо рвать въ куски!

По дорогѣ изъ распросовъ ямщика узнали, что имѣніе нашего помѣщика совершенно разорено его покойнымъ отцомъ, вырубившимъ весь лѣсъ, составлявшій единственную доходную статью имѣнія; оставшійся голый сыпучій песокъ, да мѣстами торчащіе пни никого не соблазняли явиться въ качествѣ арендатора или испольнаго работника. Однимъ словомъ — грошъ дохода. Намъ стало совершенно понятно, почему дикій придатокъ ощущеній являлся тутъ естественной и необходимой нормой.

К. Мельницкій.